

А.А. Филиппова

СМОТР ВОЙСК В ВЯЗЬМЕ В 1827 г. В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ-СМОЛЯН

События Отечественной войны 1812 года и их «отзвуки» в последующие годы многократно становились предметом описаний в личных дневниках, мемуарной и эпистолярной литературе.

Среди такого рода источников – описания первых маневров русской армии в период правления Николая I в мае 1827 г. Эти события запечатлены в официальных документах и дневниках частных лиц, среди которых, например, жена декабриста Полина Анненкова (Гёбль)¹, сенатор П.Г. Дивов², известный композитор Н. И. Бахметьев, служивший офицером Павлоградского полка³.

В воспоминаниях жителей Смоленской губернии также отразились впечатления от этого весьма значимого события не только для Смоленского края, но и для жителей других губерний. При подготовке статьи были использованы мемуары и дневники М.Н. Николевой⁴ и А.И. Колечицкой⁵, особенно хорошо известные специалистам в области грибоведения, но редко используемые историками, а также неопубликованные дневники вяземской помещицы А.Е. Карабановой⁶.

Эти письменные источники дают возможность еще раз взглянуть на события под Вязьмой в мае 1812 г.: жительницы Смоленского края отразили многие приметы времени и подробности подготовки и проведения маневров с точки зрения простого обывателя.

Официальные документы дали возможность историкам назвать некоторые причины, вследствие которых в 1827 г. военные маневры проходили именно в Вязьме. Это и важность западного направления во внешней политике России, и привязка к историческому театру военных действий⁷, и сравнительно быстрое восстановление Вязьмы, в отличие от других ра-

зоренных городов России, и, конечно, события, разыгравшиеся под Вязьмой в период Отечественной войны 1812 года. Установлено также, что из планируемых 60 тыс. войска 45 тыс. было задействовано в маневрах⁸.

Но были и политические причины, связанные с началом правления императора Николая I, омраченного восстанием декабристов, укреплением его власти, демонстрацией покровительства семьям участников событий на Сенатской площади в 1825 г.

Так, смоленская жительница Мария Николева, несмотря на то что смотр проходил через два года после Декабрьского восстания, в своей памяти тесно связывает одно с другим: «...при воцарении Николая Павловича, множество арестов тяжело отозвалось на многих семействах в Смоленской губернии. Якушкина, Швейковского, Каховского я видела ранее у Пассеков в Крашневе; теперь они были замешаны в возмущении и пострадали. Все это производило на нас тяжелое впечатление. По усмирении бунта, Государь делал большой смотр под Вязьмой. Смотр должен был напоминать бывшее там в 1812 году сражение»⁹. Последние строки этого высказывания дали нам возможность предположить, что этот смотр стал прообразом реконструкций, посвященных войне 1812 года, и мог быть приурочен к 15-летней годовщине этого незабываемого времени¹⁰.

Анастасия Колечицкая также упоминает о событиях декабря 1825 г., вспоминая семью Пестелей¹¹, а Анна Карабанова с консервативным возмущением обывателя констатирует, что власти, не удовлетворяя в полной мере прошения многих прибывших в Вязьму, «матерям душегубцев дают по 5 000 ежегодно пенсии»¹².

Свидетельства всех трех мемуаристок единодушно подтверждают многие факты: в Вязьму съехалось огромное количество зрителей, которые не только желали посмотреть на императора и других первых лиц России, но и увидеть широкомасштабное мероприятие. Приезд многих был связан с подачей разного рода прошений и надеждами на решение проблем финансового или личного характера: от продвижения по службе и устройства детей в учебные заведения до самых обыкновенных споров с соседями или местными властями.

Многие детали проведения маневров также отражены одинаково, например, адреса проживания высокопоставленных особ, сбита офицером дама, многотысячная толпа, желающая как можно ближе увидеть императора, описание впечатлений от маневров, произведение в чины знакомых и родственников.

Эти смоленские мемуары, отражающие события с разной степенью подробности, появились в разное время, что необыкновенно важно при их

использовании как документального источника. Так, М. Николева и А. Колечицкая о маневрах в Вязьме пишут по памяти, по истечении ряда лет. Многие детали уже забылись, некоторые отрывки воспоминаний несколько раз перерабатывались, поэтому, естественно, допускались неточности.

Пятидесятивосемилетняя вяземская жительница А. Е. Карабанова, жена предводителя Вяземского ополчения в 1812 г. П. М. Карабанова и владелица усадеб в Спасском-Телепневе, Леонтьеве, Соколове, расположенных недалеко от известного в 1812 г. сельца Федоровского, напротив, ведет свой дневник непосредственно во время проведения маневров. Она является их свидетельницей и даже в какой-то степени становится «причастной» к их подготовке и проведению. В ее владениях было решено репетировать и проводить маневры, в ее имениях квартировали многие их участники – офицеры, солдаты, лекари.

Она и узнала об этом уже в марте 1827 г., о чем свидетельствует запись в дневнике. Интересно наблюдать, как радушие, гостеприимство и хлебосольство, принятое в среде русского дворянства, соседствуют в ней со скупостью, хитростью и умением вовремя отказать просьбам военных, если это становится возможным и помогает избежать лишних трат и хлопот. Ее дневник за март – май 1827 г. представляет собой житейскую хронику вышеназванных событий, рассказывает об особенностях погоды, характеризует людей известных фамилий, придает особую прелесть минувшему времени.

В связи с тем, что воспоминания М. Николевой не переиздавались с конца XIX в. и в настоящее время чаще всего цитируются не по оригиналу, а по вторичным источникам¹³, а дневники А. Карабановой до сих пор не опубликованы, предлагаем вашему вниманию отрывки из этих мемуарных источников, посвященные военным маневрам в Вязьме. К сожалению, воспоминания А. И. Колечицкой за 1827 г. в настоящее время опубликовать не представляется возможным.

Черты старинного дворянского быта. Воспоминания Марьи Сергеевны Николевой

По усмирении бунта, Государь делал большой смотр под Вязьмой. Смотр должен был напоминать бывшее там в 1812 году сражение. <...>

Двоюродной брат наш Иван Юрьевич Николев был в то время бригадным генералом и со своими полками Невским и Софийским, должен был участвовать в маневрах. Он заехал к нам с двумя своими сыновьями. Обоими еще юнкерами, и адъютантом Умановым... <...>

Не помню, сколько дней мы пробыли в Вязьме, но всякий день встречали зорю в лагере у нашего родного. Мне очень нравился гимн «Коль славен», и казалась забавной следовавшая затем переключка солдат, когда целые полчаса на разных голосах слышишь: я, я, я! Настал день смотра; с раннего утра потянулись полки мимо наших окон, сплошь наполняя неширокую улицу. Еще в постели мы слышали гул и топот тысяч ног. Иные, проходя у самых наших окон, постучат в запертые ставни, а когда мы их отворим, то приходилось отвертываться от окна: так сильно блестели в лучах восходящего солнца беспрестанно сменяющиеся ряды ружейных стволов и штыков... Эта живая река протекала несколько часов, и мы уже успели выпить чаю, когда приехал за нами Иван Юрьевич, говоря, что пора ехать... Дороги спрашивать не надо было: стоило только двигаться вслед за толпой, бежавшей за город на обширную ровную местность. Мы вышли из экипажа и вместились в толпу, уже обступившую канат, сдерживавший народ. Тут расставлены были желонерами солдаты, недалеко друг от друга. Но вот все утихло. Завидели Государя и великого князя Михаила верхами, а за ним генералитет, впереди которого ехал фельдмаршал Сакен... <...>

Я с некоторыми мне мало знакомыми дамами стала так удачно, что весь генералитет был вблизи; Государь на гнедом коне был в двух шагах, а великий князь так близко, что хвост его лошади был рядом с моей шляпой. Каната с приездом Государя уже не было; его затоптал народ. Наконец слышу крик: «Подать назад, а шляпки оставить», подразумеваемая под шляпками дам. Нам стало свободнее. Хотя народ и не далеко оттеснили. <...>

Я залюбовалась красотой войска. И напрасно считают пехоту ниже других ее частей. Когда она идет громадной волной в ногу, в такт, кажется, земля дышит. За пехотой шла конница, каждая часть на лошадах особой масти, затем артиллерия. Все это выстраивалось перед Государем на некотором расстоянии. <...>

Вблизи Царя, возле его лошади, на самом солнечном припеке, стоял желонер; с ним сделалось дурно. В моих глазах он упал как сноп, не шевельнувшись, как стоял. В ту же секунду его унесли и поставили другого. <...>

Оказалось мы пробыли уже более трех часов на одном месте. <...>

Впереди нас шла под руку с мужчиной какая-то очень расфранченная дама. Ее пестрое шелковое платье было отделано газовыми буфами, самыми тогда модными. Вдруг проскакал офицер очень быстро и так близко, что лошадь его зацепила ногою за буфы этой дамы, дама упала под

лошадь. Умное животное остановилось как вкопанное, а офицер так растерялся, что стал кричать: «Доктора, доктора!». Даму бесчувственную, наконец, унесли, а он ускакал далее. <...>

...на завтра мы ходили к обедне в полковую церковь, близ которой стояла палатка Государя, а вечером гуляли по городу с Бунаковыми и повстречали нашего знакомого генерала Оленина, очень милого человека, совсем не предъявлявшего никому своего генеральства. В Вязьме же мы встретились с полковником Слатвинским, артиллерийским полковником Лизандеором. <...>

Квартира великого князя выходила окнами и крыльцом на площадь. Здесь поставлены были в почетный караул два сына Ивана Юрьевича. Великий князь поздравил их обоих офицерами¹⁴.

Дневник А.Е. Карabanовой (урожденной Станкевич), 1819–1837 гг.

[Март 7]. Невестка пишет, что ее муж возвратился из Смоленска и привез новость, что у нас в Вязьме соберется корпус войск в 60 000 и сам государь и цесаревич будут на смотр – но когда? Не пишет, – такая бестолковая. <...>

[Март 15]. Севодни поутру я поехала в город... Там узнала, что маневры назначены у самого моего хутора... выпросила, чтоб прибавили мне на хутор плотников, – спешу отделать дом: ко мне собирается туда много народу смотреть маневры. После обеда сама туда ездила...¹⁵.

[Апрель 13. Мещовск]. Севодни поутру вошел сюда дневать Егерский полк проходом в Вязьму. Мы выходили смотреть. <...>

[Март 15. Мещовск]. Севодни поутру дочь сидела у меня, потом мы ходили смотреть проходящую в Вязьму артиллерию. <...>

[Март 18. Возвращение в Вяземский уезд]. Севодни поутру выехали мы при восхождении солнца, и я видела удивительный феномен: солнце совсем взошло, и было так красно, как кровь, и так кругло, как тарелка, пока наконец зашло за тучи. Дорога от Мещовска до Росы так пустынна, что собака не встретилась. Обедать приехали в Грачево, и тут узнали, что егеря и артиллерия прошли, я рада, что не съехались с ними, а то бы и квартиры не нашли, а гусары нас не догонят... где ни едешь, везде набиито военными. <...>

[Март 19]. Севодни поутру выехали на восхождении солнца, и в Соколово приехали в 10 часов утра. Слава богу, комнаты мои еще не заняты; постараюсь отстоять, – у меня будут те же самые гусары, которых я видела в Мещовске. <...>

[Март 20]. После обеда приехали в Соколово 30 человек фурлетов, просят христаради погреться. А фуры выпрягли, лошадей привели, а фуры бросили на поле. <...>

[Март 23]. В городе и по дороге беспрестанно встречаются военные, точно неприятель опять близко. <...>

[Март 27]. В село поставили целой эскадрон, а ко мне в Соколово лазарет. Так меня это расстроило: не знала, куда их девать, – по дворам больных расставить – боялась заразить все дворы; принуждена была очистить избу на конном дворе, – сама туда их и отвела. <...>

[Апрель 28]. Севодни явились уж разные претензии: на селе солдаты требуют подвод, а здесь лазаретные требуют досок на койки, плотников; я за лучшее сочла всем отказывать, тогда не будут и требовать... Севши в коляску поехала в город... наш город теперь точно военный. <...>

[Апрель 30]. Из моего лазарета севодни половину больных вывезли в главный лазарет. <...>

[Май 1]. Севодни поутру я выпросила у бурмистра обывательских лошадей и поехала с Варей на дрожках (ибо коляска уехала) к обедне: хотела познакомиться с офицерами и позвать их на чай, а они все уехали на ученье. И так я, возвратясь от обедни, послала звать своего постояльца штаб-лекаря на водку. Он пришел, и только уселся, за ним пришли сказать, что дивизионный доктор к нему приехал. Он побежал, а я вслед за ним послала человека звать доктора, – он и с сынишкой и с лекарем пришли ко мне, пили водку, завтракали и отправились. В сумерки я послала лекарю большой окорок копченой ветчины. <...>

[Май 2]. Севодни после обеда скотница с села привезла мне белое масло; ротмистр, квартирующий на скотном дворе, увидел это масло, и говорит ей, чтоб она попросила меня продать ему фунтов пять. Я тотчас послала ему 10 фунтов даром и окорок копченой ветчины. Да еще скотница сказала мне, что офицеры дорого покупают капусту кислую, огурцы соленые и даже квас, – я наложила всево этого и в вдобавок молодова барашка, и отправила к ним на подводе... Ротмистр мой очень доволен подарком, и обещал сам приехать благодарить. <...>

[Май 3]. ...гусары мои поехали на смотр к главнокомандующему. От нас все видно, – но я не имела сил смотреть: такая севодни стужа, – не было бы снегу. <...>

[Май 4]. Севодни ночью был большой мороз, – не помешало бы моему цветку вишен в сарае? Я только что открыла, а у себя я печку топил. Поутру невестка Нат. Ив. прислала ко мне человека с запиской, что завтра на хуторе у меня будет главнокомандующий делать маневры. <...>

[Май 5]. Севодни поутру встала в 5 часов, напилась кофью, и в бл часу с Вареею пустились на хутор по зимнему в шубах и капорах. Там с час подрогли; за нами приехала невестка Нат. Ив., позавтракали в каретах и, посадя нас с собой повезли на маневры, – картина прекрасная!.. Государя ждуют ближе 10-го. <...>

[Май 10]. Севодни рано посылала я в город узнать о Государе... великой князь Михаил вчера поздно вечеру приехал, Государя ждуют севодни вечеру, а завтра – смотр войскам. Погода начинает портиться, севодни был дождь. <...>

[Май 11]. Вчера вечеру узнали мы, что Государь приехал, и севодни будет смотр войскам. Мы встали в 5 часов утра, а в 6 отправились на смотр. Картина прелестная, Государя видели довольно близко. Одну даму какой-то адъютант задавил было лошадью. В 3 часа пополудни смотр кончился... <...>

[Май 12]. Севодни поутру встали мы в 6 часов, а в 8 поехали в город, в полковую церковную палатку. Публика была пребольшая: Государя и Великого князя видели очень близко. Потом там же в лагере был развод. Когда оной кончился, то мы поехали в город; остановились у дворца, вышли из кареты и стояли на дворцовом крыльце, ожидая Государя. Тут стоял с нами генерал-губернатор, разговаривал и советовал как подать мою просьбу... После обеда посылала я с письмом к Дибичу, прося свидания, но он отказал, что ему некогда. <...>

[Май 14]. Севодни поутру встали мы с дочерью и с сыном ее Борисом в 6 часов и расположились ехать подавать Государю наши просьбы: я о платеже мне денег за овес, а дочь о принятии сына ее в какой-нибудь корпус, но не знаю, отчего мы опоздали, только Государь уехал уже на ученье... приехал генерал-губернатор; мы пошли к нему, – он велел нам остановиться у крыльца; дочь моя оставила со мной сына с просьбою, а сама ушла и сидела в карете; генерал-губернатор уехал домой, а приехал губернатор, осел Храповицкий, – спрашивает меня: о чем я прошу Государя? Я отвечаю, что о том, о чем я его просила, и он ничево не сделал. Тут подошел ко мне комендант Бибииков, и спрашивает меня: что это за дело? Я ему порассказала все мои обстоятельства. Потом разговорились об Ан. Мих. Хитровой, – он ей двоюродный брат. Наконец приехал Государь, просьбы приказал принять Бибиикову, – стоял на крыльце с четверть часа, и я очень хорошо его рассмотрела: он гораздо мужественнее, нежели покойный брат его Александр, у тово было женское лицо и фигура сутулая; этот высок ростом и фигура прекрасная; а Михаил, напротив, сутул как Александр, и дурен лицом, как Константин. <...>

[Май 15]. В 6 экипажах направились в лагерь. Там нашли множество гуляющих... в 10 часов вечера возвратились домой. <...>

[Май 16]. Севодни маневры и около моего хутора. Я рано поутру отправила туда повара с кушаньем, а также водок, вин, пива, меду и даже квасу, и отправила лакея для услуг, а сами мы вседомовно, даже и девки, в 11 часов позавтракавши пустились туда же. Ко мне съехалась вся родня, знакомые и незнакомые: у меня место превысокое, а сверх того обрыто превысоким валом, на котором мы все стояли. Это такая картина, что никакое перо описать не может: на расстоянии 10 верст во все стороны видно и все маневры, как на блюде, а потом подошли к самому валу, и в 5 шагах от нас палили из пушек, а стрелки, стоя между нами стреляли. Государь, великой князь Михаил и все генералы поминутно мимо нас ездили; многие из последних заезжали, другие присылали адъютантов просить пить, – и когда маневры кончились в 6 часов вечера, все знакомые зашли ко мне. <...>

[Май 17]. Севодни поутру встали мы с дочерью в 6 часов, и пустились на дрожках на хутор. Вчера гнала Смоленская армия Московскую за Федоровское, там были биваки, и Государь и все там ночевали, а севодни Московская гнала Смоленскую. Мы приехали очень поздно, попали под самые батареи, а хутор весь, даже и комнаты наполнены были стрелками, и мы немного застали... покормили лошадей и поехали домой. На дороге наехали на уланов; тут был родственник наш Тиньков; он долго ехал и разговаривал с нами. Мы приехали домой в 12 часов дня, отобедали и завалились спать, проспали до вечернего чаю; я измучилась, ездивши. Государь выехал в Петербург из Вязьмы в самые вечерни. <...>

[Май 24]. Севодни сосед мой штаб-лекарь поутру присылал просить дрожки, к частию, я вчера на них ездила, и велела ему сказать, что я их изломала. В 6 часов вечера, когда мы начали пить чай, приехал к нам наш знакомый офицер Заозерский благодарить меня за доставление ему пива, и занимал нас весь вечер своими путешествиями по Грузии и Персии. <...>

[Май 26]. Севодни поутру узнаю я, что ко мне в деревню привезли совсем из другого эскадрона больного офицера и заняли ему квартиру, – какова вольность! Не хочется ссориться: они скоро выходят, – а неприятно. Этот больной офицер вздумал прислать ко мне торговать мордашкинова щенка; я отказала, что все розданы, а между тем велела караулить, чтоб не украли. <...>

[Май 28]. В сумерки приехал к нам наш знакомец Александр Ильич Заозерский, ужинал с нами, много смешил нас, и после ужина распрощался совсем: они завтра выходят. <...>

[Май 29]. Севодни военные, здоровые и больные, рано поутру отравились из наших селений, а сосед наш штаб-лекарь пришел к нам проститься, — я уняла его обедать¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анненкова П. Воспоминания. М., 2003.

² Дивов П. Г. Петербург в 1827 году (Из дневника П. Г. Дивова 1827 г.) // Рус. старина. 1898. Т. 93. № 1.

³ РГИА. Ф. 110011. Оп. 1. Д. 847; Каплинский В. Б., Комаров Д. Е. Военные маневры 1827 года под Вязьмой // Воен.-ист. журн. 2014. № 5. С. 32–38.

⁴ Черты старинного дворянского быта: Воспоминания Марии Сергеевны Николовой // Рус. архив. 1893. № 10.

⁵ Колечицкая А. И. Мои записки от 1820-го года // Лица: Биограф. альманах. М., 1995–1996.

⁶ Дневник А. Е. Карабановой (урожденной Станкевич), 1819–1837 гг. // Архив Музея-заповедника «Хмелита». НВ-164. Подлинник хранится в РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 273а.

⁷ РГИА. Ф. 110011. Оп. 1. Д. 847; Каплинский В. Б., Комаров Д. Е. Указ. соч.

⁸ См., напр.: Каплинский В. Б., Комаров Д. Е. Указ. соч.

⁹ Черты старинного дворянского быта: Воспоминания Марии Сергеевны Николовой. С. 183.

¹⁰ См. напр.: Филиппова А. А. Хмелита, 1812 // Вязьма: Страницы истории. Смоленск, 2002. С. 232; Она же. Из истории изучения, представления и освоения памятных мест Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVII Междунар. науч. конф. (Бородино, 5–7 сент. 2011 г.). Можайск, 2012. С. 139.

¹¹ Колечицкая А. И. Указ. соч. С. 317–318.

¹² Дневник А. Е. Карабановой (урожденной Станкевич), 1819–1837 гг. Л. 345.

¹³ Так, некоторые современные исследователи даже стремятся исправить «ошибку» в фамилии мемуаристки, называя ее не Николовой, а «Николаевой». Добавим, что М. С. Николова не называет смотр реконструкцией и не упоминает о том, что он посвящен 15-летию Отечественной войны 1812 года.

¹⁴ Черты старинного дворянского быта: Воспоминания Марии Сергеевны Николовой. С. 183–186.

¹⁵ Дневник А. Е. Карабановой (урожденной Станкевич), 1819–1837 гг. Л. 314–315.

¹⁶ Там же. Л. 318–323.